

свое название позднее.¹ Однако проблема эта столь сложна, особенно ввиду недостатка памятников и неудовлетворительного состояния источников, что даже убежденные сторонники старшинства глаголицы высказываются по этому поводу, как и по поводу происхождения глаголицы от византийского минускула, крайне осторожно. Так, С. М. Кульбакин в своем труде „Древне-церковно-славянский язык“ (на стр. 20) отмечает, что „остается наиболее правдоподобной мысль о перделке глаголицы из греческой скорописи“. В. Н. Щепкин, являющийся одним из рьяных защитников первенства глаголицы, пишет: „Мы уверены только в том, что дошедший материал не допускает иного, более вероятного вывода, но не можем утверждать, что этот материал вообще достаточен для полного обнаружения истины“.²

Уже одно рассмотрение истории вопроса о глаголице показывает, насколько спорным может быть его решение. В задачи настоящей работы не входит разбор высказываний по поводу глаголицы. В трудах Ягича и Вайс имеется полный и тщательно сделанный обзор литературы, анализ разнообразных гипотез о происхождении как глаголической азбуки в целом, так и отдельных ее букв. Здесь достаточно лишь отметить, что попытки объяснения глаголических начертаний формами греческого минускульного письма начались еще в конце XVIII века; одни исследователи признавали сопоставления тех и других начертаний удачными и не оставляющими никаких сомнений в зависимости одной формы от другой; другие же, наоборот, — полностью отрицали сходство; делались попытки вывести глаголические формы букв из кириллицы, из некоторых восточных алфавитов (например из коптского, еврейского).

Зависимость глаголической азбуки от византийского минускула исследователи пытаются доказать, во-первых, построением таблиц, где сопоставляются глаголические начертания с буквами греческого минускула. Такие таблицы имеются у Тэйлора, архимандрита Амфилохия, Ягича (рис. 3),³ Щепкина, Чаева и Черепнина. В этих таблицах обычно допускаются натяжки, так как, по словам акад. Е. Ф. Карского, без большого воображения глаголические начертания не могут быть выведены из букв минускула; натяжкой является также предположение, что в византийском минускуле существовали сочетания букв, невозможные в греческом языке (лигатура ϞϞ). В этих же таблицах подчас просто неверно подобраны факты. Так, предполагается, что образцами для глаголических „Ѡ“ и „ѡ“ послужили греческие минускульные буквы α и λ. Но формы этих букв, приводимые в таблицах (например в „Курсе русской палеографии“ Чаева и Черепнина и в таблицах Ягича, прилагаемых к настоящей работе), были неупотребительны в византийском минускульном письме IX века и появились позднее или же встречались в курсиве. Во-вторых, утверждают, что глаголическое письмо есть письмо „стилизованное“ в духе (или по образцу) византийского минускула, что обилие лигатур, вязей, обилие округлостей, петель, дуг и т. п. в византийском минускуле „побудило“, как говорит В. Н. Щепкин, Кирилла к подобной же стилизации глаголических букв. „Стилизация“ глаголических начертаний в духе византийского минускула при-

¹ См.: J. Vajs. Rukověť hláholské paleografie. 1932; С. М. Кульбакин. Древне-церковно-славянский язык. 1917; Н. С. Чаев и Л. В. Черепнин. Курс русской палеографии. 1947.

² В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии, стр. 16.

³ И. В. Ягич. Глаголическое письмо. Серия „Энциклопедия славянской филологии“, вып. 3, II, СПб., 1911, стр. 87.